

УДК 82 (091)

ГЕНДЕРНЫЕ ТРАДИЦИИ КЛАССИКИ И РАЗРАБОТКА ТЕМЫ «МЫСЛИ
СЕМЕЙНОЙ» В КЫРГЫЗКОЙ ПРОЗЕ
КЫРГЫЗ ПРОЗАСЫНДА ГЕНДЕРДИК КЛАССИКАЛЫК САЛТТЫ ЖАНА «ҮЙ-БҮЛӨ
ЖӨНҮНДӨ ОЙЛОРДУ» ӨНҮКТҮРҮҮ
THE GENDER TRADITIONS OF CLASSICAL MUSIC AND DEVELOPING THE THEME
OF "THINKING FAMILY" IN THE KYRGYZ PROSE

Оразова М. – магистрант ОшГУ

Аннотация: В статье изучены вопросы развития традиций русской литературы и новаторские поиски при разработке гендерных различий освещения темы «мысли семейной» в кыргызской прозе.

Аннотация: Макалада кыргыз прозасында орус адабиятынын салттарын улантуу суроолору жана үй-бүлө темасын гендердик айырмаларын новатордук изденүүлөр аркылуу чагылдыруу маселелери изилденген.

Annotation: The paper examined the issues of development in the Kyrgyz prose traditions of Russian literature, the search for innovative writers in the development of gender differences threads <<thought the family>>

Ключевые слова: традиции, новаторство, мысль семейная, кыргызская проза, гендер.

Ачык сөздөр: салт, новатордук, гендер, үй-бүлө ою, кыргыз прозасы, гендер.

Key words: tradition, innovatory, thoughtfamilies, kyrgyz prose, gender.

Проблема семьи, дома – традиционная часть общечеловеческой культуры. В данной работе мы рассмотрим особенности этноментального изображения семейных ценностей, гендерных аспектов семейной проблемы в кыргызской прозе через призму классических «толстовских» традиций. Это сейчас – актуальная задача науки [1, с. 126-127; 2; 8].

В восточной ментальности весьма ощутимы гендерные различия применительно к семейным ценностям. Справедливо и другое замечание: в кыргызской системе родственных отношений концепт «семья» имеет несколько иное содержание, нежели это находим в европейской традиции [5, с. 167]. Действительно, в европейском (русском) понимании семья – это *муж, жена, дети*, а у кочевых народов семья – это *целый клан*, объединяющий всех *сыновей, их жен с детьми, старых родителей*. Только целым сообществом номады могли противостоять всем угрозам, бедам. Вот почему народ почитал крепость семьи, превозносил домовитых, расторопных жен, хороших мужей, детей, при этом подчеркивая гендерные различия. Такие материалы исследованы З.К.Дербишевой[5]. Вспомним: *Үйдүн көркү аялда (Красота дома в жене; Мир в семье женой держится); Үйдүн кырк эркек толтураалбайт, бир аял толтурат (Сорок мужчин дом не заполнят, а одна женщина заполнит.); Аял жакшы – эр жакшы (Жена хороша, так и муж хорош; У хорошей жены и мужу нет цены)*. Положительный образ кыргызской женщины, как хранительницы семейного очага, предполагал помимо внешних параметров, внутренние качества. Она должна была быть проворной, расторопной в хозяйстве, рассудительная, сдержанная, немногословная. Выход за эти рамки подвергался осуждению.

Народ в образе небесной матери Умай-эне создал этикетный кодекс, который позже подтверждался образом жизни колоритных представительниц женской мудрости, красоты, твердости характера, силы воли (Каныкей, Сайкал, Джаныл-мырза, Курманджан-датка и

др.). Не случайно в народе говорили: «Жакшы болсо катынын, табыла берет акылын» (*если у тебя жена хорошая, то умное решение всегда найдется*); «Турмуштун туткасы – аял» (*опора жизни – жена*). Недостойными считались такие черты характера женщины как жеманство (*акыштанганкатын*), кокетство (*жоруктанган*), непостоянство, капризность (*жаман аял кетем деп коркутат*), коварство (*жылаандын териси кооз, тиши – уу; кожа у змеи красива, зубы – яд*). Беременность дочери вне брака считалось позором для отца, матери, всей родни. Супружеская неверность, пишет исследовательница, почиталась особым пороком и предавалась осуждению. Об этом говорят идиомы типа тошоктепсет (*буквально затоптать постель*). Народ осуждал жестоких мужей: катынды кутуктап албаган кун кылат (*тот, кто не ценит жену, в рабыню ее превратит*). Но были сентенции, призывающие мужей быть строгими с женами: «Камчы кайраттуу болсо, катынуйтуу болот» (*если камча резкая, то и жена будет совестливая*). Уход от мужа, семьи в народе воспринимался как легкомысленное поведение. О такой женщине говорили - жылма кабак келин / *влюбчивая и ветренная женщина*), или козу тик келин (*беззащитная женщина*). Интересно проследить, как мастера слова воссоздали гендерные особенности семейных ценностей. Какими путями шло освоение традиций классики?

XX-й век стал временем подлинного расцвета литературы кыргызского народа, когда о себе заявили десятки ярких талантов в самых различных жанрах, стилевых формах[1, с. 76; 3; 4]. Не принижая очевидные успехи поэзии и драматургии, можно говорить о *золотом веке* кыргызской прозы. В советские годы в русле идей ускоренного развития литератур малых народов этот подъем модно было объяснять только мощным влиянием традиций мировой и русской классики[3; 4; 6; 9]. Да, традиции играли важную роль, но не следует забывать и о внутренней мощи культуры народа. О воздействии опыта русских классиков говорили многие кыргызские писатели, правда, с некоторыми оговорками. Вспомним эти суждения. «Я учился писательскому мастерству и реализму у Пушкина, Чехова, Тургенева, Горького и Шолохова», - говорил Т.Сыдыкбеков. Народный поэт КР Т.Уметалиев, вспоминая годы учебы в педтехникуме, признавался: «Я познакомился с «Полтавой» Пушкина и мне открылся огромный мир поэзии. Я стал писать стихи, стараясь подражать Пушкину, его форме...» (Автобиография).

А.Токомбаев: «Писатель с далекой национальной окраины..., я вначале смотрел на русскую классическую литературу с изумлением, уважением, а больше с благоговейным трепетом, как на необозримый хребет, подавляющий высотой и мощью вершин» (Звезды в душе // СК, 2-03-1962). Еще одно признание: «О Горьком слышал давно... В 1926 году прочитал впервые «Песню о Соколе» на казахском языке... До 1930 года по-русски вообще не читал. Изучив язык, прочитал «Мать». Книга поразила меня глубиной и мастерством. Под впечатлением прочитанного написал стихотворение, которое назвал «Мать» (О себе. 1932). В этих суждениях явно ощущается ученический восторг перед великой классикой.

Иные интонации уже звучат у кыргызских писателей второй половины XX века. На смену ученическому подражанию приходят взвешенные мысли о творческом восприятии чужого опыта. Выдающийся мастер стиха, талантливый переводчик, в том числе и поэмы «Василий Теркин», С.Эралиев, вспоминая годы войны, учебы, первых шагов в литературе, говорит: «Твардовский стал моим учителем, «Теркин» - моим Литинститутом» (Автобиография). Автор новаторских «Поэма о любви» «Ак Меер», «Путешествия к звездам», «Упрямая красавица» учился много и упорно у классиков, но многое он уже воспринимал критически («Наш учитель – русская литература» /1963/). Ведь за его плечами были уже учеба в советской предвоенной школе, работа в редакции газеты, трудные испытания на фронтах войны, ранение и снова учеба, вновь работа редактором газеты. О

критическом восприятии опыта русской литературы автором поэмы «Ак Меер» З.Кедрина писала в статье «На новом уровне» (ЛГ, 7-02-1961) и Ч.Айтматов (Открытие берега // СК, 13 -1X-1964).

Ч.Т.Айтматов в статье «Взаимосвязь традиций» (1972) отмечал сильное воздействие на свое творчество гения Л.Н.Толстого: «Невозможно создавать современную прозу, не впитав опыт классического реализма Толстого и Чехова». «Русская литература, - пишет И.Лайлиева /1988/, - стала для кыргызской литературы в полном смысле слова учителем жизни». В наши дни подобные признания национальных писателей и ряда ученых многие воспринимают критически, что восприятие чужого опыта не следует рассматривать как важнейший, ключевой, судьбоносный фактор, не оставляя места другим точкам зрения (О.Ибраимов /2013/). К сожалению, в советские годы убеждение о решающей роли традиций русской литературы в ускоренном развитии молодых литератур, о мощном воздействии на профессиональный рост писателя окраин было расхожим местом в трудах многих компаративистов. В наши дни ситуация стала более спокойной и проблему восприятия опыта, в том числе и русских классиков, изучают в объективных рамках. Феномен значимости чужого опыта, безусловно, во все времена служил активизатором творческого импульса мастера слова [3; 4; 6; 9]. Возьмем хотя бы проблему эволюции *мысли семейной* в кыргызской литературе, с определенным учетом и опыта автора Л.Н.Толстого при написании романа «Анна Каренина».

В критике и литературоведении республики есть работы К.Асаналиева, А.Акматалиева, К.Бобулова, О.Ибраимова, И.Лайлиевой, Е.Озмителя и других авторов о проблеме традиций и новаторства, развития опыта мировой и русской классики. Они правы, было бы непродуктивно отвергать значение чужого опыта. Прав, видимо, А.Акматалиев, что в период становления национальной письменной литературы кыргызские поэты и писатели *не всегда умели пользоваться опытом писателей других народов*; поэтому в их творчестве преобладало прямое «*подражательство*». Литературовед прав: ведь «учеба должна быть творческой»[1, 233]. История рецепции наследия классиков мировой и русской литературы, факты взаимосвязей литератур содружества красноречиво говорят о том, как в 20-30-е годы в трудных поисках преодолевались недуги прямого *подражательства*, как писатели постепенно осваивали новые приемы творческой учебы.

Поучителен опыт первых переводчиков книг Толстого на кыргызский язык (Ж.Боконбаев, М. Элебаев, К.Маликов, М. Койчуманов и др.), которые в процессе такой трудной работы постепенно осваивали тайны творчества русских писателей. Вехами переводческой культуры стали опыты У. Абдукаимова («Хаджи Мурат»), Т. Саманчина («Анна Каренина»), С. Бектурсунова («Война и мир», «Воскресенье») и др., показавшие новый уровень понимания и рецепции русских текстов. В статье «Как я работал над переводом «Анны Карениной» (1978) Т. Саманчин предметно говорит о трудных и счастливых днях глубинного постижения *мысли семейной*, волновавшего русского писателя в этом творении[7]. Литературоведы Е. Озмитель («Л.Н.Толстой и киргизская литература», 1978), А.М. Жмаев («Наследие Л.Н.Толстого и киргизские писатели», 1978) приводят красноречивые факты многогранных творческих связей наших писателей и переводчиков с опытом автора «Анны Карениной». Ч.Т. Айтматов однозначно считал: «Да, Толстой – это чудо!» Но он категорически возражал против призывов: *писать, как Толстой, как Чехов, как Шолохов* (Ч.Айтматов. Обрести свою судьбу). Как видим, постижение толстовского гения, его идей, как и самого романа, в котором главной была мысль семейная, шло по многим каналам, шло через преодоление искусства подражательности. В кыргызской прозе иные акценты в показе гендерных отношений.

Опыт Л.Н.Толстого над романом «Анна Каренина» (с февраля 1870 по 1877 годы) поучителен для многих киргизских писателей кропотливой и многолетней разработкой темы, идеи, структуры произведения[4; 6; 7]. В процессе такой работы писатель избавился от ряда гендерных стереотипов в отношении к героине, она становилась мужчине-писателю все более симпатичной. Тема взаимоотношений мужчины и женщины Л.Н.Толстого волновала многие годы. Л.Н.Толстой указывал: «В «Войне и мире» я любил *мысль народную*, а в «Анне Карениной» - *мысль семейную*» (Дневник). Многим киргизским писателям была понятна и близка толстовская мысль о трагедии семьи, о положении женщины в обществе. Общеизвестно признание писателя о том, как зародился от пушкинской книги замысел о *замужней женщине, из высшего света, потерявшей себя*. «Я как-то после работы взял... том Пушкина и, как всегда (кажется седьмой раз), перечел всего, не в силах оторваться, и как будто вновь читал. Но мало того, он как будто разрешил все мои сомнения... Я задумал лица и события, стал продолжать.. и вдруг завязалось так красиво и круто, что вышел роман, который я нынче кончил вчерне, роман очень живой, горячий и законченный, которым я очень доволен и который будет готов... через две недели» (письмо Л.Н.Толстого Н.Н.Страхову, 25 марта 1873года). Вот еще один довод о пользе чужого опыта (напомним, что Толстой иногда весьма сурово отзывался о прозе Пушкина). Ученые отмечают, что хотя писатель свой новый роман и начал с образа героини- замужней женщины Анны Карениной, но истоки драмы были поначалу неясны Толстому. В самом начале героиня представлялась ему, как ни в чем не виноватая, однако уже в первых набросках романа причина трагедия усматривается в ней – *потерявшей себя*. Вот почему облик Анны в первой стадии работы был весьма непривлекателен. Напротив, ее муж представал в выгодном для него свете. В ходе многолетней работы (почти семь лет) героиня оказывалась все более симпатичной, фигура же мужа приобретала отталкивающие черты. Судьба Анны Карениной постепенно вырисовывается как трагически безысходная. При этом внешне, формально она же по-прежнему сама во всем виновата. А муж целиком прав. Толстой сам пережил в эти годы схожую трагедию: столкновения живой и в каждую минуту пульсирующей жизни с окаменевшими ее формами. Эту драму прозаик не только пережил, но и реалистично отобразил в романе. В свое время француз Г.Флобер говорил: «Мадам Бовари – это я!»(ПСС в 8 тт.т.8). Вот и Л.Н.Толстой через драматическую судьбу своей героини выразил работу своего ума, сердца, души о времени и о себе.

В киргизской литературе – женская тема, мотив несчастной женской доли- одна из магистральных[8]. Вспомним классические образцы киргизских песен (арманы, песни-жалобы), эпических сказаний («Олжобай и Кишимжан», «Ак Меер»), акынской поэзии. «Жалоба девушки, выданной замуж за старика», «Причитания жены дехканина», «Причитания жены охотника», «Кемчонтой» Т.Молдо, «Алымкан» Т.Сатылганова, «Девочка-сирота» Барпы Алыкулова, пьесы «Карачач» К.Джантошева, «Горемычная Какей», М.Токобаева, повесть «Аджар» К.Баялинова. Во всех этих произведениях звучит голос в защиту киргизской женщины.

Тема эмансипации женщины – ведущая в литературах народов Востока. Здесь создана колоритная галерея восточных женщин – Биби-Ойша, Мухаббату С.Айнм, коммунистка Раушан- М.Ауэзова, Кумюшбиби- А.К.Адыри, «Лайли», Дильбар-Айбека, Зайнаб- Х.Алимджана, Гульсара- К.Яшена, Канизак, Хафиза- А.Каххара, Айкыз- Ш.Рашидова, Анахон -А.Мухтара, Майра -А.Таджибаева, Ботагоз -С.Муканова и др. Опыт этих писателей интересен для сравнения с женскими образами киргизских авторов. Почти все научно-критические труды, посвященные киргизской литературе второй половины XX века обозначены словами; *восхождение к зрелости, к новым рубежам, на пути новых традиций, от вершины к вершине ,по пути обновления* и др. Литературовед К.Бобулов в

работе «Новая ступень» (1976) размышляя об особенностях развития современной киргизской прозы, отмечал, что критическое освоение традиций русской и мировой литературы помогло многим смело проникнуть в глубинные пласты сложной действительности. У. Абдукаимов («Фронт»), Т. Сыдыкбеков («Женщины», «Батийна»), Ч. Айтматов («Первый учитель», «Джамиля», «Материнское поле»), Т. Касымбеков («Хочу быть человеком»), А. Джакыпбеков («Суровый путь»), М. Байджиев («Моя золотая рыбка», «Чужое счастье»), Н. Байтемиров («Бунтарка и колдун»), Ж. Мавлянов («Бракосочетание»), К. Каимов («Заблуждение»), М. Гапаров («Гость»), К. Джусупов («Жажда жизни»), О. Султанов («Белая дорога, синее небо»), Ш. Абдыраманов («Белый свет») и др. преодолев недуги описательности, схематизма новаторски используют в своем творчестве самые разные приемы психоанализа [1;3;4;9].

В показе сложной природы, внутреннего мира современника, в том числе и женских характеров, они дают пластическое изображение их внутреннего мира, психологически убедительно раскрывают их душевные качества, нравственную чистоту. Такими предстают героини У. Абдукаимовой – Бермет и Кадырбек, Качике, Т. Сыдыкбекова – Батийна, К. Баялинова – Мамбет, Таня, М. Борбугулова – Дюйше и Бермет, Ч. Айтматова – Джамиля, Данияр, Толгонай, Алиман, О. Султанова – Календер и Аджаркюль, Н. Байтемирова – Аруке. Молодость, любовь, семья, верность, разлука, война – вот основные звенья нравственных конфликтов, переживаемых этими героями.

Вспомним, сколько было споров о героях Ч. Айтматова, которые в критической ситуации войны, социальных катаклизмов ведут себя нестандартно, не всегда следуют канонам старины [1, 126-130].

Бурные споры вызвала повесть Айтматова «Джамиля» прежде всего характером главной героини. Как всякое неординарное явление она и поныне вызывает споры. Юный Сеит, младший брат Садыка, находящийся в дни войны на фронте, оказывается свидетелем любви *джене* Джамилы и Данияра. Характер Джамилы удивлял многих айльчан. Сеит, младший брат ее мужа, вспоминает, что в характере *джене* проявлялись какие-то мужские черты, что-то резкое, грубоватое. Работала Джамиля хватко, вопреки поведению молодых келинок, не всегда могла ладить с соседями, если ее напрасно задевали, могла и отпор дать. Автор явно рисует киргизский женский характер, не соответствующий привычным гендерным стереотипам. Народ в молодухах помимо красоты, миловидности, ценил скромность, почтительность к старшим, трудолюбие, бережливость, нравственную чистоту и др. В тексте же сказано: «Она уважала старших, слушалась их, но никогда не склоняла перед ними голову, зато и не язвила шепотком, отвернувшись в сторону, как другие молодухи». Джамиля во всем прямая по характеру, «говорила то, что думала». В конце *джене* вместе с любимым человеком покидает их дом, аил. Юноша мечтает нарисовать картину об этой любви.

Литературовед А. Акматалиев вспоминает как болезненно реагировали маститые аксакалы на повесть «Обон» (кыргызский вариант «Джамилы») за подобную коллизию: как это так, молодая женщина бросает дом, мужа, сражающегося на фронте во имя новой любви [1, 193-194]. Понять недовольство кыргызских писателей старшего поколения можно, ибо в книге Айтматова на глазах «рушилась не только традиционная концепция положительного героя в советской литературе, но как бы рушились принципы привычной коммунистической морали те, нормы социалистической нравственности» [О. Ибраимов. История... т.2. с.44]. Действительно, финал повести – уход Джамилы, чей законный муж находится на фронте, с Данияром, вернувшимся в родной аил после ранения, обрисован автором так, что такой финал кажется не только не предосудительным, но естественным и единственно возможным. Не случайно и образ *свекрови* обрисован по-новому, ведь раньше они в отношении к *келинкам* бывали подчас жестоки, зловредны, придиричивы. Айтматов и

здесь отходит от гендерных стереотипов, свекровь уважает Джамилю, мечтает, чтобы после ее смерти *сноха* уверенно вела хозяйство. Умудренная женщина даже в чем-то понимает поступок невестки.

Литературовед О.Ибраимов считает: «Писатель смело описал священное безумие любви; жизнь людей сложнее упрощенных формулировок морали, шире затверженных истин, и в этом ее красота, в этом, как утверждает писатель, и ее трагизм» (2013. т.2. с. 44-45). Критика 60-80-х годов XX века превозносила повесть Айтматова за то, что он показал характер кыргызской женщины-бунтарки, отстаивающей свое личное достоинство. Новизну в характере героини видели в бунте против закостенелых обычаев патриархального уклада. На рубеже XX-XXI веков, когда в суверенном Кыргызстане начался процесс возрождения национальных обычаев, традиций послышались голоса, осуждающие Джамилю. Оппоненты им отвечали: в истории народа и раньше бывали бунтари-женщины, но не было Айтматова, чтобы написать об этом так, как это сделал автор «Джамили». Большая часть читателей и критиков и в наши дни ценят в характере этой героини ее цельность натуры, красоту внутреннего мира, высокую духовность. Критик пишет: Джамиля – человек искренний и честный, в то же время, сильный» (О.Ибраимов.т.2. с. 47). Этот ученый справедливо сравнивает айтматовскую героиню с Анной Карениной и в обоих случаях видит родство двух женщин в активной жизненной позиции, в твердом стремлении к счастью. Писатель Айтматов в ряде книг показал, что Джамиля не одна такая.

В повести «Материнское поле» Толгонай проводила мужа, трех сыновей на фронт, сама стала бригадиром в колхозе. Теперь она за все в ответе: ведь об этом ее попросил муж перед уходом на войну[8]. И женщина дала обещание и это обещание она выполняет строго. Вместе со всеми она делит слезы вдов, сирот. Она бросается в погоню за ворами, когда Эшенкул с друзьями угоняет колхозных лошадей. Исподволь писатель умеет показать, как в этой сложной жизненной ситуации, Толгонай и невестке Алиман удается сохранить человечность веру в жизнь, победу. Война кончилась, но Толгонай не дождалась мужа и сыновей, Алиман – совсем молодой осталась вдовой. Свекровь не настаивает, чтобы она соблюла вековые законы, остаться в доме мужа. Свекровь даже согласна, чтобы келинка снова вышла замуж и завела новую семью. Готова благословить ее на это! Молодая из всех сил стремится сохранить память о муже, Алиман уважает мать, не хочет ей приносить боль, страдания. Она заботливая келин. Женщина хочет забыть о своей горькой судьбе, пытается жить воспоминаниями о счастливом прошлом. Вот она гуляет по лугу, собирает, как в те мирные дни, цветы. Потом вспомнив, что у нее на голове черный платок, роняет букет на землю. Одна, но какая значимая деталь. Война идет по пятам. Писатель усложняет жизненную коллизию: Алиман уступила напористому проезжему чабану, она беременна. А у айла свои законы: это уят! Все выдержала мудрая Толгонай: пересуды, косые взгляды. Алиман умерла во время родов, остался малыш. И Толгонай в исповеди матери-земле обо всем говорит от сердца и души. Она только просит у Бога, чтобы всевышний дал ей силу и здоровья вырастить незаконного сына Алиман. Айтматовская героиня поражает нас широтой души, человечностью. Она живое воплощение начала Умай-эне! Каждый читатель уверен: пока у народа есть такие натуры как мудрая, великодушная Толгонай, такой народ будет вечен. Об этом писали критики С.Джигитов («Дорога матери – дорога народа»), К.Бобулов («Голос матери»).

Стремление любить, мечтать о личном счастье стали и для героини Салтанат из произведения Ж.Мавялнова «Бракосочетание» причиной ее беды. В айле получили благодарственное письмо от командиров части, в котором воюет Белек. После чтения при всем народе председатель Стамов вручил письмо Салтанат, со словами: «Таким женихом можно гордиться! Здоровья тебе, дочка, и счастья!» Но счастье девушки омрачается тем,

что она под это радостное настроение желает рассказать матери Белека о *их тайне*. Она беременна, это случилось в последний день, перед уходом юноши на войну. Шекер сама пожелала, чтобы Саламат жила у них. Она тогда говорила: «Ты моя дочь. А в тот день, когда вернется домой Белек, я покрою твою голову платком: будет у сына жена, а у меня послушная сноха». Мать Белека, строгая тетушка Шекер, услышав весть о беременности Салтанат, пришла в сильное негодование. Она воплощенный идеал гендерного образа *байбиче*, умудренной женщины-мусульманки, живущей по законам адата. «Ох, вы, клятвопреступники, разве не знаете, что такое ребенок, рожденный вне брака? Кто скажет о нем доброе слово? Как мы теперь будем смотреть людям в глаза? Господи, никогда еще в нашем роду не было такого бесстыдства, господи... Неужели такое могут себе позволить дети мусульман?... Как я скажу людям, что это ребенок моего сына, если он незаконнорожденный? Что я им скажу? Чего же ты молчишь, бесстыжая?...» Нам понятна реакция айльной женщины, воспитанной в строгих нормах ислама, адата, можно. Она считает, что обязательно нужно пройти обряд бракосочетания, обряд молодых мусульман, создающих новую семью. А это может сделать только мулла! Шекер считает: «Пока не сотворен этот обряд, ты не жена ему, он не муж тебе». Салтанат оправдывается: Белек ходил за муллой, но его дома не оказалось, он был в отъезде. Из-за военной спешки, они не смогли пройти обряд *нике*. Но возмущенная вероломством будущей снохи Шекер требует, чтобы *бесстыжая* ушла из их дома. Узнав эту новость, и старый Сагын приказал поскорее увести с глаз *бессовестную тварь*. Вот и пришлось униженной Саламат рано, еще на рассвете, чтобы не видели люди, покинуть дом Белека. В отличие от свекрови *кайни* Калыбек пожалел и понял как нелегко *джене*.

Он догнал ее на лошади, предложив довести до дома. Салтанат не хочет привлекать внимание людей и отказывается от помощи Калыбека, но просит его: «Ничего не пишите Белеку, Я ему сама напишу...» Героиня считает, что с любимым они сами разберутся в этой сложной ситуации. А читатель должен решить, кто прав в непростой истории? Права мораль старой Шекер, с ее религиозно-этическими законами? Или правда на стороне молодых, вынужденных из –за проклятой войны так поспешно пытаться построить свое счастье? Прозаик Жунай Мавлянов умет ставить непростые жизненные вопросы и этим его проза дорога читателям. Для этого мастера слова литературными наставниками являются Л.Толстой, М.Горький, М.Шолохов. В их русле кыргызский прозаик рисует своих героев, подчеркивая гендерные конфликты. Молодые учатся, работают, борются, пытаются построить свое счастье, но это иногда не находит поддержки у старшего поколения. Последним кажется, что молодые покушаются на святая святых. Л.Н.Толстой образом Анны Карениной хотел осудить эту женщину – *жену и мать, которой не след гулять*, но многие говорили, что писатель ее *возвеличил*.

Писатели У.Абдукаимов, Ч. Айтматов, Ж.Мавлянов, О.Султанов, своих героинь часто ставят в сложные жизненные обстоятельства, на предмет проверки их душевных качеств, моральных устоев. Они порой совершают поступки, которые в обычном быту, подвергаются осуждению. Но авторам достает художественного такта, чтобы читатели поняли их замысел, идею произведения. Наши писатели зрелого периода, ощущая себя продолжателями гуманистических традиций родной и мировой культуры, чаще предстают не *суровыми прокурорами* их поступков, а дотошными *адвокатами*. Читатели восхищались нравственной чистотой, стойкостью Асель, сочувствовали Толгонай, волновались за будущую судьбу Джамили и Данияра. Мы огорчаемся за добрую, милую, трудолюбивую Салтанат, что все у нее случилось так некстати. В этом и заключается главный смысл любого художественного произведения, чтобы оно защищало суверенные права личности, его стремление к счастью.

Представители кыргызской прозы в гуманистических традициях мировой и русской (в первую очередь, естественно, национальной культуры) сумели новаторски решить значимые аспекты *мысли семейной*, высокохудожественно изображая преодоление гендерных различий в показе неординарных женских натур. Им весьма удаются и непростые мужские судьбы, они не боятся затронуть конфликты отцов и детей. Для ряда кыргызских прозаиков весьма значимыми оказались толстовские традиции, особенно при решении темы *мысли семейной* [4; 6; 9]

Список использованной литературы:

1. Акматалиев А. Избранное. Собрание сочинений. Литературоведение.- Бишкек, 1997.
2. Бендас Т.В. Гендерная психология. – Спб, 2008
3. Бобулов К. Проблема традиций и новаторства в киргизской прозе. АКД. – М.: 1966. - Бобулов К. Пути развития реализма в киргизской прозе. – Фрунзе, 1969.
4. Борбугулов М. От «Манаса» к Толстому // Живое единство. Сборник. М.: 1974. С. 298-332.
5. Дербишева З. Родственные узы. Кыргызская женщина // З. Дербишева. Кыргызский этнос в зеркале языка. – Бишкек, 2012. С. 167-190; с. 271-292.
6. Жмаев А.М. Наследие Л.Н.Толстого и киргизские писатели // РЯКШ, 1978, №1. С. 25-30
7. Саманчин Т. Как я работал над переводом «Анны Карениной» //РЯКШ, 1978, № 3. С.1-7.
8. Сардарбеккызы Н. Образ женщины в ранних повестях Чингиза Айтматова // Вопросы искусства и литературы. –Бишкек, 2008.
9. Укубаева Л. К вопросу о влиянии русской литературы на творчество Чингиза Айтматова // Взаимосвязи и взаимодействия художественных культур народов. - Фрунзе, 1978. С.143-145